
«ПЕРЕД БОГОМ НАШ ДОЛГ.. ОСТАВИТЬ БОГАТУЮ РОССИЮ»

Кто таков царь Федор Алексеевич?

До недавних пор никто не знал его, не думал о нем.

Разве только профессиональные историки, изучавшие XVII век...

Да, в академической литературе о государе Федоре Алексеевиче идут бурные дискуссии. Как минимум пять хороших книг были посвящены его судьбе, и написаны они большими мастерами. А статьям о времени его правления — реформах, войнах, культуре и экономике — счету нет.

Но.

Много ли у нас образованных людей, столь сильно интересующихся русской историей, чтобы всерьез осваивать научную литературу по царствованию Федора Алексеевича? Ох, вряд ли. А что биография и державные деяния этого монарха, третьего в династии Романовых, долгое время оставались на периферии общественного сознания — несомненный факт. Притом факт легко объяснимый.

До него Россией 31 год правил отец — государь Алексей Михайлович, «Тишайший». Незаурядная историческая личность, человек великий во зле и добре. После Федора Алексеевича семь лет держала страну в кулаке царевна Софья — еще одна яркая персона: волевая, страстная, умная, преступная в своих упованиях... Тем, кого манит тьма, нетрудно очароваться этой фигурой. Ну а после нее грянул Петр — реформатор и воин, «чертушка», зубодер, бомбардир, сыноубийца и создатель града на Неве. Его царствование — бездонный колодец, в который наше общество заглядывает вот уже три века, но всё никак не может насмотреться. Что ж Федор Алексеевич? Царствовал шесть лет, из них немалое время жестоко хворал, ни разу не выезжал на поле брани, не устраивал заговоров и переворотов, не драл зубов и не возводил Северную Пальмиру. На первый взгляд — тихо жил, мирно ушел. Его бы именовать «Тишайшим», а не кряжистого батюшку. Да Федора Алексее-

вича так иногда и называли, просто впоследствии это прозвище закрепилось за одним Алексеем Михайловичем.

Царь Федор Алексеевич как будто зажат в историческом времени меж крупными историческими личностями, он словно бы долина, обрамленная скалами. Он почти незаметен. Кто заинтересуется им из одних только досужих соображений? Что за эмоции вызывал у образованных русских людей этот государь — пробел между великими страстями и великими преобразованиями? Если его биография и питала какое-то чувство, то — чувство жалости. Бедный отрок! Несчастный юноша, рано взваливший на себя бремя государственных дел, измученный болезнями, скоро ушедший из жизни. Жалко его? Жалко. Бедный, бедный отрок, существо, достойное сопереживания, — выглядит почти случайным человеком на троне Московского царства...

А это *никому не интересно*, не так ли? Надо смотреть правде в глаза: всеобщее внимание привлекают те исторические личности, которые ассоциируются с военным громом, бурями интриг, страшными изломами в судьбах народов, со славою и величием. Для заморыша на престоле достаточно печального вздоха: «Милый! Бедный!» — и скоро перевернутой страницы в книге судеб.

Вот из-за чего споры ученых людей о царе Федоре III вечно оставались вне фокуса общественного внимания.

Но только до поры до времени.

В 2011 году на телеэкраны вышел сериал «Раскол». Его ставил режиссер Николай Досталь. Михаил Кураев писал к нему сценарий, широко используя книги Владислава Бахревского — знаменитого исторического романиста. Царевич Феденька появляется в одной серии, в другой, в третьей... но его почти не видно. И вдруг он становится ключевой фигурой. Вся заключительная серия в сюжетном смысле вертится вокруг него. Никон и Аввакум отступают на второй план. Российские зрители с удивлением вглядываются в незнакомого персонажа собственной истории. Как интересно, как неожиданно! «Отчего раньше мы не знали, что Федор Алексеевич — столь значительная персона? Каков! Сколько образованности, сколько воли! Жаль, что правил так мало, достоин большего!»

И точно: из юного царя удалось слепить необыкновенно яркий образ. Государь-философ, сыплющий латинскими изречениями, выученик великого просветителя. Юноша, стараниями наставника отдаленный от жирной русской почвы и запущенный в небеса сухого морозного разума, а потом уже и

сам, собственной волей удаляющийся от московской старины. Да едва ли не государь-интеллигент! Как минимум — мечта интеллигентного человека. Федор Алексеевич вечно думает о благе России, говорит о ней, мучается ее болями, счастлив ее успехами. Он ничего не ищет для себя, ничего не желает приобрести, но лишь исполняет долг. Он будто и не имеет собственных интересов. Даже краткие разговоры с женой — Марфой Апраксиной — наполнены обсуждениями правительских дел. И с братом Петром государь беседует наставительно, словно подсказывает мальчику, как вести себя, когда наступит его черед царствовать: «Перед Богом наш долг, Петруша, оставить богатую Россию». Слабое тело монарха — он едва ходит! — не препятствует сильному духу парить высоко. Царь торопится вздыбить страну, ускорить ее развитие, приобрести всё то важное, что можно взять у иноземцев, и поправить всё то скверное, что исстари устроено без ума.

Вот уж не «долина» и не «пробел»! Нет, совсем не то. Досталь показывает Федора Алексеевича своего рода... «стрелочником». Государь перекладывает железнодорожную стрелку перед медленно идущим сверхдлинным составом «Россия», и страна, перейдя на другой путь, постепенно ускоряет ход. Он, а не Петр, — первый, кто открыл для России этот маршрут. Он, а не Петр! Младший брат Петр Алексеевич лишь продолжит дело брата старшего.

Наследник царя Алексея Михайловича, Федор Алексеевич, более отца склонен перенимать обычаи у Европы, более гуманен. Однако он все еще шатается умом, то собираясь простить Никона, а заодно Аввакума и прочих «пустозерских сидельцев», то отказываясь от прощения, несовместимого, по мнению вельмож, с державными интересами, то вновь проявляя милосердие... А в финале сериала является царевич Петр во главе марширующих солдат, и фигура бойкого мальчика подана как живой символ: из муки дурных повторений, из трагедии раскола выход может быть только в постепенном движении к Европе, к слиянию с ней, к принятию европейского гуманизма. Царь Федор как бы многое понял первым, он и передал царю Петру эстафету своего понимания. Пусть и не успел перевернуть Россию собственной волей, но все-таки заложил основу для подобного переворота.

Жалеть такого персонажа, как Федор Алексеевич в «Расколе», — немыслимо. Тут уместна иная позиция. Либо восхищаться им как предтечей великих реформ, вбросивших Россию в Европу, либо отнестись к нему со скепсисом — куда спешишь, царь-торопыга? Но уж точно Федор Алексеевич Досталь и Кураева — никак не «бедный отрок».

Такой образ исторического деятеля диктует и другое отношение к нему, и намного большее, чем прежде, внимание.

Правы ли создатели сериала «Раскол», нарисовавшие нового Федора Алексеевича? Не ближе ли к правде факта прежний образ — несчастного юноши? Или, быть может, и первое, и второе неверно, а истина осталась в стороне, до нее еще не добрались?

Непростой вопрос...

Вдумаемся: что такое сериал «Раскол»? Какое мировидение он представляет?

Русская культура с позапрошлого столетия расколота на идейные лагеря. Они без конца борются между собой, оспаривая истины друг друга то политическими, то художественными средствами. Иногда рождаются новые их направления, течения, движения, порой исчезают старые, но общему противостоянию несть конца. Как начали первые славянофилы и первые западники, так по сию пору и бушуют военные действия — то утихая, то разгораясь с новой силой. И «понимающий человек» всегда скажет, под чьими знаменами стоит тот или иной писатель, художник, философ, историк или кинематографист. Почвенник он, западник или же большевик.

Николай Досталь и Михаил Кураев — ярко выраженные западники, либералы, прогрессисты. Их мировидение на 100 процентов определило идейную заряженность «Раскола».

Немногие из современных российских писателей столь же последовательно придерживаются либерального выбора, как Михаил Кураев. Тексты его в большинстве случаев представляют собой литературное свидетельство о преступлениях власти и о мужестве тех, кто сохранял человеческое достоинство, оказавшись под начальственным прессом. Поэтому, с одной стороны, писатель рисует неестественную беспредельность власти, ее калечащее души, истончающее совесть воздействие на людей, а с другой — представляет читателям интеллигентность или, иначе, нравственную твердость как главный оплот сопротивления этой «дистрофии совести»: «“Субстанция” интеллигентности — это и есть нравственное сознание, независимое от родовитости и безродности, от выручки в лавке, от котировки ваучера, больного зуба, прихоти тирана, прокурора, самодержца, генсека и президента, независимое даже от количества снарядов, выпущенных по тебе сегодня».

То же самое видно и в «Расколе».

Вроде бы во главе страны стоит «добрый царь». Алексей Михайлович — милостивец и «молитвенник». Но Россия устроена не по-европейски, она вообще иноземного не приемлет, и если обнаруживается хотя бы след «фряжского письма» в

иконописи, тот же Никон выжигает его каленым железом. Русское устройство власти — неограниченное самодержавие. Власть сконцентрирована на самом верху. И сколь благородными ни были бы устремления первого человека в стране, все равно, именно благодаря полному отсутствию ограничений, он имеет шанс погубить наилучшие планы привычными методами их реализации. Такая организация власти, настойчиво показывает Кураев, порочна в принципе. Алексей Михайлович вроде бы понимает: мало одной власти, чтобы изменить жизнь к лучшему, нужен Господь, нужен «...подвиг душевный и любовь». А все же и он колеблется между «пойдем, голубушка, помолимся» и «пороть буду!». Что ж говорить о его служильцах? На низу всё проще, грубее. Дурна не реформа Никона. Дурно то, что общественный уклад России ставит знак равенства между ее осуществлением и приведением несогласных к покорности начальству — такова ясно выраженная точка зрения автора сценария. Если взглянуть в самую суть мировидения российской власти, то там — корысть и стремление сохранить собственный, ничем не ограниченный деспотизм. Аввакум презрительно бросает одному из ее представителей: «Как же вы себя любите, антихристово семя!» Фраза эта моментально уносит зрителей в XX век, а то и в XXI. Всё те же проблемы, всё те же образы, что интересовали рафинированного интеллигента и «западника» Кураева в его творчестве, прежде не выходившем за пределы советской эпохи. Всё то же! Опять — жестокая власть, модернизирующая общество, ни в грош не ставя при этом отдельного человека, мучая его, относясь к нему безжалостно. Опять пустыня тирании. Опять отгораживание России от Запада, страстно нелюбимое Кураевым. Собственно, мы видим русский мир как муку «дурных повторений». Как ни парадоксально, а получается, что у Достоевского и Кураева семнадцатый век — повтор двадцатого!

Вот и выходит: не таков кинематографический Федор Алексеевич, каким сделало его родное XVII столетие, а таков, каким приказало его подать наше время. Исторической правды в образе «царя-философа» немного.

Но всё же этот монарх стóбит самого внимательного отношения со стороны образованного класса России. Правда, по другим причинам. Не как опередивший Петра монарх-западник, нет. И не как правитель, сознательно отказавшийся от почвы, которая его вырастила.

Скорее, как *русский государь, примиривший в себе родную почву и тягу к Европе*. А ведь это — исключительно редкое для нашей истории качество! Русский из русских, православный из православных, он спокойно брал от европейцев то, что мог-

ло оказаться полезным для страны. В то же время он не ставил народ, культуру и Церковь в подчиненное по отношению к европейским порядкам положение. Федор Алексеевич вмещал в себе две разные правды, два пути развития, притом вмещал их, не ссоря, не противопоставляя один другому. Гармония идей, свойственная внутреннему миру этого монарха, никак не ограничивала его энергичной природы в практических действиях. При всем физическом нездоровье Федор Алексеевич проявил себя весьма деятельным и жестким политиком.

Трагическая фигура!

Умер на взлете...

Знакомясь с его судьбой, впору подумать об одной исторической альтернативе. Если бы Федор Алексеевич прожил подольше, возможно, наша страна избежала бы оглушительной, страшной, костоломной европеизации Петра Великого. Исторические процессы делали сближение с Европой неизбежным. Так или иначе нам не удалось бы от этого уйти. Но, как знать, не предложило бы долгое царствование Федора Алексеевича иного варианта европеизации — более мягкого, более щадящего, избавляющего нашу страну от культурного раскола между «верхами» и «низами»?

Именно долгое царствование, а не жалкие шесть лет, как случилось в исторической действительности...

Вспомните в фигуру «бедного отрока». Вспомните в его мечты, в его деяния. Россия многое приобрела при Петре Великом, но многое и потеряла. Наверное, был у нас вариант пройти по той дороге с меньшими потерями. Не торопясь. Не впадая в неистовство. Не обманывая себя прекрасными миражами. Но мы его потеряли.

Почему? Отчего Бог не дал нам пути удобного и легкого?

Возможно, великие ошибки хороши тем, что учат не повторять их. А утраченные возможности хороши тем, что когда-нибудь они возникают снова... И хорошо бы их не упустить во второй раз!

Вспомните внимательно.